

ЭТНОПЕДАГОГИКА

С. Ю. Головина

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ФОЛЬКЛОРА У НАРОДОВ ТЮМЕНСКОГО СЕВЕРА

Статья посвящена этнопедагогическому потенциалу фольклора коренных малочисленных народов Севера РФ в становлении и воспитании подрастающего поколения. Устное творчество северных этносов играет важную роль в вопросах приобретения необходимых знаний о родной природе – ее флоре и фауне, народной медицине, традиционных промыслах, бережном отношении к кормилице-земле и ее дарам; развивает творческое мышление, воображение, юмор, воспитывает патриотизм; развивает эстетические чувства; прививает здоровый образ жизни, уважение к своим предкам и др. Фольклор впитал в себя многовековой опыт этнического воспитания и в наши дни может служить эффективным средством воспитательно-образовательного процесса детей-северян.

The article is dedicated to the ethnopedagogical potential of northern small native nations' folklore. This rich source contents vital issues concerning acquirement of the important knowledges about northern nature, traditional medicine, trades and about the methods of care for the native earth. Northern folklore develops imagination, humour, cultivates patriotism, love of the peculiar northern beauty and pursuit of healthy life else. So, study of native folklore can became an effective way of bringing up and education for northerners up to the present.

В течение многих десятков лет, испытывая на себе влияние пришлой культуры, чуждой по мировоззрению и опыту ведения хозяйства, северные промысловики и оленеводы теряли собственные традиции уклада жизни, более уместного в условиях Крайнего Севера. Навязанные перемены, естественно, привели к снижению духовного и, как следствие, физического потенциала коренных северян. Исследование устного народного творчества представителей тюменского Севера (хантов, манси, ненцев, селькупов) показывает, что используемые в нем воспитательно-образовательные средства самобытны, оригинальны и неоценимы в плане воздействия на сознание коренных жителей.

В первую очередь следует отметить, что в основе этнической педагогики у народов тюменского Севера лежит скорее не воспитание, а **самовоспитание**. Все основные методы и средства (спортивные состязания, устное творчество, общение с природой, трудовой быт и, главное, пример старших) нацелены именно на то, чтобы ребенок сам определил свое место в обществе (этносе) и направил все усилия на приобретение необходимых социальных качеств.

У народов тюменского Севера существовало множество самобытных образовательных и воспитательных средств, при помощи которых они пытались регулировать процесс самовоспитания.

Следует подчеркнуть, что ребенку для самоопределения и самообучения всегда предоставлялась необходимая свобода. Лес, тундра, с точки зрения северных этносов, являлись лучшими воспитателями. Именно поэтому мальчики – будущие охотники, промысловики – едва научившись держать в руках лук, зачастую были предоставлены сами себе. У северных народов обучение и самообучение не разделялись, а являлись двумя составляющими одного процесса. В функции отца, таким образом, входило показать, объяснить и направить, а в задачи сына – понять, осмыслить и самостоятельно развить полученные умения, отточить ремесло. Описывая в фольклоре жизнь, быт, традиции, коренные жители все время подчеркивают, что **словесные методы второстепенны по сравнению с наблюдением и практикой**. Юный Ондрэ из мансийской сказки «каждый день проводил в лесу. Слышал, как просыпается лес, как гудят соки в стволах кедров, как медленно нарастают кольца, словно из сердцевины разбегаются волны. Соболя и белку он не сбивал стрелой, а снимал рукою с дерева. А лося он валил, схватив за рога, и на бегу догонял волков» [3, с. 76]. Знание законов природы, приобретенное путем собственных наблюдений, а также стремление подражать животным в их силе и ловкости как раз и формируют нужные для охотника качества. Руководствуясь желанием лучше узнать окружающий мир, закалить дух и тело, юный герой из хантыйской сказки «Хозяин лесной земли» собирается устроить ночлег подальше от избышки, а старая бабушка одобряет решение внука: «Ночуй, внук, на лесной земле. Привыкай, на ней спят все звери, мясом которых ты будешь кормиться всю жизнь» [16, с. 113].

Тема исключительно **высокой физической подготовки** эпических героев северных этносов достаточно подробно рассмотрена в работе В. И. Прокопенко [8]. Будущие богатыри в героических сказаниях северян, как правило, в первый день появления на свет уже начинают ходить, а на второй – идут на охоту (так развиваются события в сказках хантов «Богатырь, росший три дня», «Старик Лампаск и его внук», в мансийском сказании «Богатырь Невеличка» и многих др.). Подросший же воин может десять мужиков «между пальцами зажать» [5, с. 179], а сражаться с ним все равно, что «встретиться с утесом» [5, с. 206]. Упоминания о трудовых успехах фольклорных героев-силачей встречаются не реже. Дров такой богатырь приносил столько, сколько могли увезти только десять лошадей [5, с. 246], деревья он не спиливал, а с корнями из земли вырывал [5, с. 461], бегал, без сомнения, быстрее оленя, и стрелы пускал «выше темных туч» [5, с. 167]. И это не просто гиперболы и метафоры, это – жизненная позиция, на которую нацеливали сказители юных слушателей: не воспитав в себе силу, выносливость и смелость, вряд ли

станешь успешным оленеводом, охотником или рыболовом, едва ли выживешь в суровых условиях Крайнего Севера.

Важно подчеркнуть, что представители народов тюменского Севера отличались **миролюбием**. Наверное, поэтому для хантов, манси, ненцев и селькупов первостепенными качествами, которыми должен был обладать богатырь, являлись щедрость и великодушие. Так, селькупский эпический богатырь Итте проявляет снисхождение к поверженному противнику, следующим образом комментируя свой поступок: «Не хочу множить зло. Живите миром! На Кети нет ваших могил. Нет ваших людей. А в гости с оружием – не ходите!» Легенда также напоминает о том, что, хоть и добрый, и щедрый был Итте, «а ясак не платил никому» [12, с. 242]. Следовательно, гордость и независимость тоже важные составляющие облика, отличающего настоящего героя. Но самая, пожалуй, самая существенная информация, которую можно почерпнуть из этого сказания, заложена в последних строках: «Потомки Итте и ныне на малых реках севера рыбачат. А узнать их только в лихую годину можно – тогда все они богатырями становятся» [12, с. 245]. То есть рассказчик логически и вполне обоснованно подводит слушателя к мысли о том, что звание богатыря – это не привилегия, а цель, к которой должен стремиться каждый подросток.

В. И. Прокопенко обращает внимание на ответственность и стремление к самовоспитанию юных эпических богатырей Крайнего Севера: «Дети осознанно, часто без помощи взрослых, готовились к своим будущим промысловым и воинским занятиям. Устное народное творчество северных этносов фиксирует внимание именно на этом факте» [8, с. 72].

Однако самовоспитание было направлено не только на развитие силы и ловкости, на приобретение трудовых навыков. Культура северян имеет ярко выраженную **экологическую направленность**, создает основу для воспитания мудрых и бережливых хозяев. Из содержания источников устного народного творчества следует вывод, что никто не умел так ухаживать за своей Землей, как сами представители коренных народов Севера – предки ныне живущих, исчезающих народностей. Фольклор прививал северянам не потребительские навыки, а, прежде всего, стремление созидать и беречь данные им ресурсы, которыми предстоит пользоваться потомкам. Манси, например, ограничивали время охоты на зверя и передавали данные правила из поколения в поколение, вкладывая их в уста фольклорных героев: «Завтра домой пойдем. Третий день лесуем. Если четыре дня лесовать будем, в лесу и зверя не останется. Белка кончится, соболь кончится. Нам четыре дня лесовать запрещено», – рассуждает семиголовый менкв [5, с. 371]. Ханты разграничивали территории, предназначенные для охоты и рыбной ловли, связывая практические знания с легендами и преданиями: «Рядом с Озерным есть озеро Вэсен-эмтор, которое считалось священным. Там нель-

зя стрелять – хороший клев мгновенно пропадет» [5, с. 182], – гласит легенда. Таким образом, фольклор прививал уважение к родному краю. Знание законов природы и умение взять необходимое, не нарушив природного равновесия, – основные качества воспитанности и образованности человека на Крайнем Севере.

Экологизированная культура северян способствовала формированию **особой северной эстетики**. Для того чтобы подчеркнуть красоту человека, использовались сравнения исключительно с животным и растительным миром. О герое Ай Нерум Хо в одном из преданий хантов с восхищением говорится: «Не поверите, каким красавцем стал, разве только может сравниться с осенним четырехлетним оленем, у которого новая шерсть искрится, силой мужской налился от сочной летней травы и сладкого белого мха» [1, с.84]. Мужским персонажам героических песен и сказаний ненцы любили приписывать красоту могучих деревьев, сравнивая плечи и стан героев с «выдернутым с корнем деревом» [4, с. 139].

Северных жителей завораживала красота птиц, их легкость, поэтому сравнить женщину с птицей у хантов – все равно, что назвать красавицей. В легенде «Ине-Хон» находим следующие слова: «Давно серебрится у Анки кося, но дочери – птицы – всей тундры краса» [2, с. 55]. Распространенными женскими накосными украшениями у обских угров были металлические изображения птиц, а у дочери Южной старухи из мансийского «Священного сказания о возникновении Земли» подобное украшение заменяют живые «черняди» и «морянки». У манси священными птицами считались белые лебеди, которые «с юга... приносят белое тепло и всем – и людям, и зверям – дают это тепло» [3, с. 103]. Не равнодушны к лебедям и ненцы в своем фольклоре. О стареющей женщине они могли сказать очень поэтично: «В углах ее глаз сели лебеди» [4, с. 171].

У коренных малочисленных народов тюменского Севера существовало множество оригинальных средств, при помощи которых они знакомили детей с устным творчеством, добиваясь максимальной остроты восприятия и эффективности усвоения отраженных в нем истин.

Ненцы, например, всегда старались поддерживать прекрасную традицию, способствующую **эстетическому воспитанию**, – они дарили младенцам песню. Так, Любовь Ненянг рассказывает о том, как всем детям в ее семье «мать дарила-сочиняла песенку» [7, с. 47]. В песенных текстах говорилось о внешней красоте малыша, чувствах матери, предстоящих трудовых подвигах:

Красивый Ненянг,
Любимый Ненянг
Будет хороший рыбак [7, с. 42].

Песня-«нюкбус» должна быть правдивой, и если мать не примечала в ребенке особой статности и яркой красоты, то обязательно обращала внимание на его душевные качества. Подрастая, дети перенимали любовь к песенному слову и сами сочиняли короткие «нюкбусы» для кукол или для домашних животных. «Даже наши четвероногие друзья, олени и собаки, имели свои шуточные песенки», – вспоминает Любовь Ненянг [7, с. 47]. Обретая привычку и навык к сочинительству, повзрослев, став совершеннолетним, человек создавал себе взрослую личную песню, в которой, рассказывал о личных чувствах и переживаниях.

Представители северных этносов тюменского региона заботились о том, чтобы не только песня, но и сказка как можно раньше вошла в жизнь младенца. Для этого ненцы при рождении ребенка обязательно сочиняли ему сказку, а у обских укров существовали специальные тексты «детских» сказок. Воспитательно-образовательные особенности фольклора народов тюменского Севера демонстрируют «детские» сказки хантов и манси, а также те сказки ненцев и селькупов. Заметим, что ни у одного европейского народа нет такого понятия, наверное, потому, что все сказки давно принято считать детскими. Если же появляется произведение сказочного, но совсем не детского содержания, его называют сказкой для взрослых. У коренных обитателей тюменского Севера (и других северных этносов) отношение к сказке, как и к были, несколько иное, так как к сказочному жанру здесь принято относить и рассказы о героических подвигах предков, перешедшие в жанр сказки из песен и сказаний. Если европейская сказка, согласно В. Я. Проппу, основана на художественном вымысле [10, с. 149], то для «всех жанров обско-угорского фольклора характерна установка на достоверность» [5, с. 32]. Подобную особенность замечает А. М. Щербакова: «В ненецкой сказке нет такой подчеркнутой грани между былью и фантазией, как в русской. Фантазия вплетается в реальную обстановку и повествуется как быль, что придает особую колоритность волшебным приключениям» [6, с. 12]. Исполнение фольклорных произведений строго регламентировалось. У манси, например, существовал запрет на рассказывание сказок в весеннее, летнее и осеннее время. Утренние и дневные часы представители всех без исключения северных этносов посвящали трудовой деятельности, и лишь вечера, причем преимущественно зимние, по традиции, отводились для рассказов. Исполнители, как правило, обладали феноменальной памятью и пользовались большим уважением в кругу сородичей. Слушатели (как дети, так и взрослые) никогда не перебивали рассказчика и внимательно следили за ходом повествования. Детям принято было рассказывать сокращенные варианты больших сказаний. Специальные же «детские» сказки, озвучиваемые обычно матерью или бабушкой, исполнялись не только вечером, но и днем, за рукоделием, так как это не считалось просто отдыхом, а больше походило на своеобразный воспитательный процесс. Устная традиция бесписьменных народов всегда играла существенную роль в воспитании молодежи.

жи, но педагогическое значение сказки в данном случае особенно велико, так как она адресована непосредственно детям.

Представители коренных малочисленных народов тюменского Севера были уверены, что сказка должна научить маленького человека **ориентироваться в окружающей среде**, поэтому произведение данного жанра обязательно содержало в себе какую-либо важную информацию, представляло собой картину мира в миниатюре. А. Фролова обращает внимание, что благодаря преданиям и сказкам дети получали сведения об отдаленных местах, солнечном или лунном затмении и т. д. [15, с. 51]. Например, селькупская сказка «Соколиный костер» повествует о таком природном явлении, как северное сияние [14, с. 49]; в ненецкой сказке «Белый медведь и бурый медведь» рассказывается о повадках этих хищников [14, с. 147]. Детские сказки изобилуют информацией о природных явлениях, о животном и человеческом мире, о различных видах промысла на Крайнем Севере. В текстах подробно говорится, где животные и птицы живут, чем питаются, как охотятся. Эти факты особенно ценны для северных народов, традиционно занимающихся охотой, рыболовством и оленеводством.

В сказках народов тюменского Севера можно выделить несколько приемов, используемых сказителем для передачи информации ребенку. Основным и наиболее часто встречающимся является **комментарий**. Так, в хантыйской сказке «Отчего бурундук полосатый» по ходу повествования объясняется, как медведь восстанавливает силы после зимней «спячки»: «Проснулся медведь из-за своего соседа раньше обычного. Бывало, вылезет – в тайге уже подросла черемша или медвежий лук. А он для косолапого целебней, чем капустный рассол для иного человека: пока не поест луку после зимней голодовки – не то мясо, а и орех на дух не надо» [12, с. 274]. Не менее популярен и **диалог**. В некоторых случаях сами сказочные герои объясняют друг другу, как они живут и чем питаются. Из ненецкой сказки «Песец и заяц» дети узнают о предмете промыслов зайца и песца из диалога, построенного в форме вопроса и ответа:

Песец как-то спросил зайца:

– Я не знаю, куда ты ходишь и на кого охотишься. Скажи мне, что ты ешь?

– Я ем траву и тальники, – ответил заяц... [14, с. 101].

Загадка, встроенная в сюжет – еще один очень распространенный прием, свойственный северному фольклору и мало встречающийся, например, в русском устном народном творчестве. В русских сказках больше событий, которые развиваются часто очень стремительно. Характер северных сказок более вдумчивый и размеренный: рассказчик пытается по ходу повествования все разъяснить ребенку или, наоборот, поставить его перед необходимостью размышлять, искать решение. В качестве примера уместно упомянуть ненецкую сказку «Свинцовая муха» [13, с. 145]. В ней медвежонок, вообразив

себя самым сильным и смелым на Земле, заявил медведице, что может Человека одной лапой повалить, на что мать ему отвечает: «...Самого его, может быть, и можно свалить, да есть у Человека муха свинцовая, как он выпустит муху из норки, она тут же прилетит, и ты не заметишь, как свалишься»... Интересно, что ни в заглавии, ни в самом тексте ни разу не прозвучали слова пуля или ружье, они успешно заменяются такими образами, как «муха» и «норка», и о значении данных образов дети должны подумать сами.

Важной особенностью северных детских сказок, усиливающей их педагогическую направленность, является **отсутствие волшебства**. До маленького слушателя истина доносится самым простым и понятным языком. Известная мансийская ученая Е. И. Ромбандеева в книге «История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов)» писала о сказках своего народа следующее: «Детей не нужно вводить в заблуждение, они должны познавать суровый окружающий мир таким, какой он есть. В детских сказках... о земле, о воде, о ветре и зверях, о явлениях природы и их взаимосвязи говорится прямо, кратко, просто» [11, с. 30].

Главные отличия познавательной стороны сказочных эпосов разных народов состоят в том, что **каждый этнос закладывает в сказку основы тех знаний, которые для него первостепенны**. Так, в контексте русских народных сказок порой встречается информация о том, как варить кашу или печь лепешки. В сказаниях коренных малочисленных народов тюменского Севера мы таких сведений не обнаружим, зато можем узнать, как ставить запоры и когда лучше охотиться на зайцев.

Итак, с одной стороны, воспитательно-образовательная сторона фольклора тюменского Севера проста и понятна, так как включает в себя общепринятые, доступные методы и средства: пример положительных героев, яркие художественные приемы в описаниях животных, картин природы (гиперболы, метафоры, сравнения и т. д.), познавательные сведения о повадках животных, народных ремеслах и т. д. С другой стороны, фольклорные произведения северян несут в себе своеобразную национальную идею, поэтому средства, использованные в них, воздействуют более эффективно на сознание северных народов.

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что в устном творчестве северян преобладает экологическая направленность. Даже эстетическое наполнение формируется в соответствии с понятиями о природной гармонии, в связи с чем выстраивается определенная воспитательная концепция. Немаловажно то, что в фольклоре народов тюменского Севера доминирует фигура «могучего хозяина северной Земли». Сила и выносливость, гостеприимство и хозяйственность – черты северного богатыря, на которые рассказчик обращает внимание в первую очередь. Функциональность педагогической системы северян, отраженной в фольклоре, заключается в том, что все

методы и средства направлены на организацию самовоспитания порастающего поколения. В героических песнях и сказаниях постоянно акцентируется, что герой сам воспитывает в себе нужные качества. Оригинальны и методы трансляции песен и сказок в детской среде. Ребенок рассматривается не только как потенциальный слушатель, потребитель устного творчества, но и как создатель, участник процесса. Его все время побуждают к творчеству: сочинить песенку для собаки или куклы, перевести сказку с образного языка на предметный, ответить на вопросы эпических героев своими словами, добавив тем самым новые черты к уже существующей концепции произведения.

Литература

1. Вагатова М. К. Маленький тундровый человек: Стихи и сказки. – Тюмень: СофтДизайн, 1996.
2. Ине-Хон. Героические песни легенды в обработке И. Н. Еланцева. – Свердловск: Свердл. обл. гос. изд-во, 1935.
3. Конькова А. М. Сказки бабушки Аннэ. – Свердловск, 1985.
4. Куприянова З. Н. Эпические песни ненцев. – М.: Наука, 1965.
5. Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост. Н. В. Лукина. – М., 1990.
6. Ненецкие сказки / Сост. А. М. Щербакова. – Архангельск: Северо-запад. книж. изд-во, 1984.
7. Ненянг А. Фольклор таймырских ненцев. Кн. 2: Песни. Ходячий ум народа. Имена. – М.: ИНПО, 1996.
8. Прокопенко В. И. Устная традиция как первоисточник этнической педагогики физического воспитания народов Севера // Образование и наука. – 2002. – № 5.
9. Прокопенко В. И. Этнопедагогика народа ханты: физическое воспитание и игры: Учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005.
10. Пропп В. Я. Русский героический эпос. – М.: Гослитиздат, 1958.
11. Ромбандеева Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). – Сургут, 1993.
12. Северная книга: краеведческий и литературно-публицистический сборник / Ред.-сост. Е. В. Осокин. – Томск, 1993.
13. Сказки народов Сибири / Сост. Г. А. Смирнова. – Красноярск: Витал, 1992.
14. Три Маралухи: Сиб. сказки о животных / Сост. Э. Падерина, А. Плитченко. – М., 1986.
15. Фролова А. Этнические традиции арктических народов в образовании дошкольников / Дошкольное воспитание. – № 4. – 2003.
16. Чучелина Т. Сказки Югры. – М.: Наш современник, 1995.